П 24.
3.

ЗАМѢТКА

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ КАВКАЗСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Л. П. Загурскаго.

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1880.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава. Москва, марта 26 дня, 1880 года.

Секретарь Общества **В. Румянцовъ**.

92
1.3с

ЗАМѢТКА

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ КАВКАЗСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Л. П. Загурскаго.

Наврядъ-ли какая-нибудь страна можетъ возбудить столько интереса въ лингвистическомъ отношеніи, сколько Кавказъ, гдѣ на небольшой, сравнительно, территоріи размѣстились самые разнообразные по языкамъ народы; въ числѣ языковъ оказывается немало и такихъ, для которыхъ до сихъ поръ не отысканы еще родичи. Многіе изъ нихъ представляютъ столько оригинальныхъ явленій, что должны были бы вызвать цѣлую массу изслѣдователей, а между тѣмъ исторія кавказской лингвистики можетъ представить самое скромное число солидныхъ дѣятелей. Напрасно вы искали бы въ исторіи лингвистическихъ изысканій правильнаго хода и даже преемственности. Въ 40-хъ годахъ акад. Шёгренъ принимается за изученіе осетинскаго языка. Плодомъ его занятій явился довольно почтенный трудъ. Онъ, однако, не полонъ. Никто и не думаетъ продолжать изслѣдованій Шёгрена. Почти черезъ 15 лѣтъ послѣ этого, Усларъ принимается за изученіе восточногорскихъ языковъ (ключъ къ уразумѣнію которыхъ далъ акад. Шифнеръ); умираетъ Усларъ—и со смертью его прекращается систематическое изслѣдованіе этихъ языковъ. Изрѣдка заѣзжаютъ на Кавказъ на короткое время изслѣдователи, въ родѣ Георга Розена или Березина, которые составляютъ бѣглыя замѣтки о разныхъ кавказскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. На основаніи подобныхъ замѣтокъ, подчасъ, первостепенные лингвисты дѣлаютъ выводы, сближенія, которые въ концѣ концовъ оказываются неудовлетворительными. Появляются и въ краѣ любознательные люди; они записываютъ слова, составляютъ парадигмы склоненій и спряженій нѣкоторыхъ языковъ. Но не только эти скромные труды, но даже капитальные остаются почти въ неизвѣстности; ими не особенно интересуются даже ученыя учрежденія и

съѣзды представителей лингвистической науки. На съѣздѣ, напр., оріенталистовъ въ Петербургѣ говорилось немало объ аккадійскомъ языкѣ, а между тѣмъ ни слова не было сказано о лингвистическихъ трудахъ Услара, который скончался почти передъ самымъ открытіемъ съѣзда.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, нельзя не выразить глубокой признательности Московскому Подготовительному Комитету для устройства предполагаемаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ за то, что онъ включилъ въ программу занятій съѣзда и лингвистику. Сдѣлалъ онъ это совершенно основательно: археологическія изысканія на Кавказѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, нуждаются въ помощи лингвистики уже потому, что свѣдѣнія объ отдаленномъ прошломъ обитателей Кавказа, передаваемыя какъ мѣстными лѣтописцами, такъ классическими и арабскими писателями, крайне сбивчивы. Независимо отъ того, что лингвистика должна оказать громадную услугу въ классификаціи кавказскихъ народовъ по ихъ происхожденію, она можетъ дать и историческія указанія. Въ подтвержденіе этого положенія, приведемъ здѣсь одинъ примѣръ: уже и теперь, на основаніи имѣющихся лингвистическихъ данныхъ, можно безошибочно указать на то, что предки горцевъ Восточнаго Кавказа пришли съ сѣвера и подвигались на югъ, далѣе—на то, что они жили въ странѣ низменной и довольно холодной; можно также сдѣлать нѣкоторыя указанія и относительно доисторической культуры означенныхъ народовъ. Такъ на значеніе лингвистики для кавказской археологіи смотритъ акад. Броссе, предложившій уже для рѣшенія на съѣздѣ вопросы лингвистико-этнологическіе. По всей вѣроятности, поставятъ вопросы члены И. Акад. Наукъ гг. Дорнъ и Розенъ, профессора С.-Петербургскаго университета гг. Паткановъ и Цагарели. Но задача ученыхъ съѣздовъ не можетъ ограничиться составленіемъ выводовъ изъ разработанныхъ уже матеріаловъ; главное назначеніе подобныхъ съѣздовъ—двигать науку впередъ и поставить ее тамъ, гдѣ окажется нужнымъ, на прочную почву. А на Кавказѣ, какъ по отношенію къ археологіи, такъ и къ лингвистикѣ, въ этомъ ощущается сильная потребность. Поэтому мы думаемъ, что если люди, интересующіеся изученіемъ кавказскихъ языковъ, составятъ сообща планъ дальнѣйшихъ лингвистическихъ изслѣдованій и укажутъ на мѣры, ведущія къ успѣшному его выполненію, то они окажутъ громадную услугу этой столь интересной отрасли кавказовѣдѣнія. Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, что̀ нужно дальше дѣлать, нужно знать, что̀ уже сдѣлано. Поэтому является необходимость составленія къ съѣзду историческаго очерка лингвистическихъ изслѣдованій на Кавказѣ. Подобный очеркъ, конечно, долженъ быть составленъ спеціалистами.

Предоставляя спеціалистамъ какъ это, такъ и постановку вопросовъ для рѣшенія ихъ на съѣздѣ, я въ предлагаемой замѣткѣ ограничусь указаніемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, на то, что сдѣлано по изслѣдованію кавказскихъ языковъ. Цѣль моей замѣтки—указать на настоятельную необходимость продолженія изслѣдованій кавказскихъ языковъ. Приступаемъ къ дѣлу.

Серединную часть Кавказскаго края вообще и западную часть Закавказья занимаютъ группы языковъ, сродство которыхъ съ другими языками еще не отыскано. Эти группы: картвельская (иверская), западногорская и восточно-горская. Прежде чѣмъ примемся за разсмотрѣніе каждой изъ этихъ группъ, замѣтимъ, что такъ называемая западно-горская группа представляетъ, какъ кажется, двѣ отдѣльныхъ группы.

Картвельская (или иверская) группа заключаетъ въ себѣ четыре языка, а именно: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій. Первый изъ нихъ, т. е. грузинскій языкъ, занимаетъ, въ сравненіи съ прочими, самую большую территорію. Онъ подраздѣляется на нарѣчія или, выражаясь точнѣе, на говоры, которые до сихъ поръ не были изслѣдованы. Существуютъ и въ публикѣ, и въ литературѣ разныя мнѣнія на этотъ счетъ, но ни одно изъ нихъ не провѣрено еще научнымъ образомъ. Самое распространенное и ходячее мнѣніе то, что нарѣчія горцевъ-грузинъ, т. е. пшавовъ, хевсуръ, тушинъ, заключаютъ въ себѣ болѣе слѣдовъ древне-грузинскаго языка, нежели говоръ грузинъ, населяющихъ равнины. Лучшимъ средствомъ для провѣрки этого показанія былъ бы филологическій разборъ собранныхъ г. Умиковымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Грузіи пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и сказокъ. Грузинскій языкъ въ первый разъ подвергся филологическимъ изслѣдованіямъ около двухъ вѣковъ съ половиною тому назадъ; имѣется уже не малое количество трудовъ по грамматикѣ этого языка. Но они не разъясняютъ многихъ явленій въ грузинскомъ языкѣ. Для того, чтобы ихъ уяснить, нужно подвергнуть тщательному изслѣдованію и другіе языки картвельской группы, о которыхъ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія: нѣкоторые, напр., считаютъ мингрельскій языкъ нарѣчіемъ грузинскаго, лазскій языкъ нарѣчіемъ мингрельскаго. Сванетскій языкъ признается многими (въ томъ числѣ и академикомъ Броссе) неимѣющимъ ничего общаго съ грузинскимъ языкомъ. Только строго-научныя изслѣдованія могутъ разрѣшить этотъ вопросъ. Въ послѣдніе годы иверская группа языковъ пріобрѣла изслѣдователя, серьезно отнесшагося къ дѣлу, въ лицѣ А. А. Цагарели, профессора грузинскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1872 году онъ отлитографировалъ брошюрку «Срав-

нительный обзоръ морфологіи иберійской группы кавказскихъ языковъ.» Разобравъ этимологическія формы языковъ этой группы, онъ высказываетъ слѣдующее положеніе: «Этимологическія формы грузинскаго языка оказываются, въ общемъ, сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ; но сложность и богатство словообразовательныхъ формъ не даютъ еще права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ,—онъ братъ ихъ, можетъ быть, старшій. Этимологическія формы мингрельскаго и лазскаго языковъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ формамъ остальныхъ двухъ сочленовъ.» Что же касается этимологическихъ формъ сванетскаго языка, то онъ удаляется больше отъ формъ остальныхъ языковъ картвельской группы. То же, кажется, можно сказать и относительно фонетики означенныхъ языковъ. А. А. Цагарели занимается въ настоящее время обработкою собранныхъ имъ на мѣстѣ лингвистическихъ матеріаловъ по изслѣдованію мингрельскаго языка. Затѣмъ онъ намѣренъ приняться за обстоятельное изученіе сванетскаго и лазскаго языковъ. Мы увѣрены, что изслѣдованія его подтвердятъ положенія, высказанныя имъ въ 1872 году. По окончаніи этихъ изслѣдованій можно будетъ приняться за разъясненіе непонятныхъ теперь явленій въ грузинскомъ языкѣ и составить цѣльное понятіе объ организмѣ крайне-оригинальной иверской группы языковъ. Представляется другой вопросъ: существуютъ ли гдѣ либо родичи иверской группѣ языковъ? Боппъ старался показать сродство грузинскаго языка съ арійскими, Максъ-Миллеръ—съ туранскими языками; но ихъ выводы не могутъ выдержать критики. Недавно академикъ Броссе въ письмѣ своемъ, адресованномъ на имя г. предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, высказался въ пользу арійскаго происхожденія грузинскаго языка, присовокупивъ къ этому, что въ грузинскомъ языкѣ отыщется семитическій элементъ и еще элементъ неизвѣстнаго происхожденія. Многоуважаемый грузинологъ обѣщался, въ подтвержденіе своего положенія, указать на присутствіе въ грузинскомъ языкѣ корней старо-персидскихъ и пехлевійскихъ. Подобное указаніе хотя еще не рѣшитъ вопроса о сродствѣ грузинскаго языка съ арійскими, но можетъ бросить свѣтъ на отдаленное прошлое картвельскаго поколѣнія. Не мѣшало бы подвергнуть критической оцѣнкѣ и сдѣланныя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Гейдъ-Клеркомъ объясненія древнихъ наименованій горъ, рѣкъ и городовъ Малой Азіи посредствомъ грузинскаго языка. Не мѣшало бы также подвергнуть критической оцѣнкѣ и мнѣніе Ленормана, усмотрѣвшаго въ ванскихъ клинообразныхъ надписяхъ формы грузинскаго языка. Утвердительный результатъ помогъ бы указать на путь, по которому двигались предки картвельскихъ народовъ въ Грузію. Весьма желательно было бы и указаніе въ грузинскомъ языкѣ, по

категоріямъ, словъ, вошедшихъ въ него изъ греческаго, турецкаго, персидскаго и другихъ языковъ,—это бросило бы свѣтъ на прошлое грузинскаго поколѣнія. Предоставляя спеціалистамъ обстоятельную постановку вопросовъ, относящихся къ иверской группѣ языковъ, переходимъ къ Западно-горской группѣ.

2. Западно-горская группа языковъ. Къ этой группѣ обыкновенно относятъ языки абхазскаго и черкесскаго племенъ. Абхазскій языкъ, одинъ изъ труднѣйшихъ въ фонетическомъ отношеніи, интересенъ уже и потому, что принадлежитъ къ категоріи агглютинативныхъ языковъ, къ той категоріи, къ которой относятся языки американскіе и языкъ басковъ. Это обстоятельство, конечно, не говоритъ въ пользу сродства его съ поименованными языками; но подтверждаетъ то положеніе, что и въ средиземной (или такъ называемой кавказской) расѣ, къ которой принадлежатъ, по наружнымъ признакамъ, абхазцы были народы, стоявшіе на болѣе низкой степени по языку. Абхазскій языкъ былъ изслѣдованъ въ началѣ 60-хъ годовъ покойнымъ Усларомъ. Предшественникъ его, по изученію означеннаго языка, берлинскій академикъ Георгъ Розенъ указалъ только на нѣкоторыя особенности послѣдняго. Усларъ, при помощи руководителей изъ абхазцевъ, вникнулъ въ фонетику и грамматическое строеніе этого языка; составилъ онъ и абхазскій словарь, но не полный. Усларъ изучилъ нарѣчіе, самое распространенное въ Абхазіи. Желательно было бы изслѣдовать и нарѣчія, употребляемыя остатками абхазскаго племени въ Кубанской области. Это дастъ возможность объяснить лучше строй разсматриваемаго языка. Былъ еще одинъ родичъ на Кавказѣ абхазскаго языка—это убыхскій языкъ; но онъ исчезъ уже съ Кавказа. Объ языкѣ убыховъ существовали самыя странныя мнѣнія, которыя сводились къ тому, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ своими сосѣдями—абхазскимъ и черкесскимъ языками. Въ 1861 г. принялся было за изученіе этого языка покойный Усларъ. Приведемъ здѣсь слова его: «У насъ въ лагерѣ проживалъ 15-ти лѣтній мальчикъ извѣстной убыхской фамиліи Берзековъ. Съ нимъ приступилъ я къ изслѣдованію убыхскаго языка. Зная, что мои занятія могутъ прерваться не сегодня, такъ завтра, я спѣшилъ ознакомиться, хотя бѣгло, съ грамматическимъ строеніемъ языка. Дѣйствительно, занятія мои прекратились на шестой день. Юный Берзекъ исчезъ изъ лагеря, не знаю куда. Мой грамматическій очеркъ вышелъ чѣмъ-то въ родѣ Вагнерова человѣчка, которому совѣстно показаться на свѣтъ Божій.... Но и то крайне немногое, что̀ узналъ я объ убыхскомъ языкѣ, вполнѣ убѣдило меня въ близкомъ родствѣ его съ абхазскимъ, хотя и встрѣчаются въ немъ явленія не сходныя.

Если кому-либо откроется непредвидѣнная мною возможность заняться дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ убыхскаго языка, то я готовъ передать ему сдѣланныя мною замѣтки. Медлить нельзя, потому что убыхскій языкъ при послѣднемъ издыханіи, и лингвисты будутъ горько сожалѣть о томъ, что исчезъ онъ, не оставивъ по себѣ другаго слѣда, кромѣ моего хилаго, шестидневнаго грамматическаго очерка.» Вѣроятно, еще отыщутся въ Турціи убыхи; но отыщется ли лингвистъ, который взялъ бы на себя трудъ изучить этотъ языкъ, звуки котораго, безъ сомнѣнія, замрутъ въ непродолжительномъ времени навсегда? Къ абхазскому племени относились, какъ кажется, и джигеты, оставившіе тоже Кавказъ.

Переходимъ къ черкесскимъ народамъ, составляющимъ поколѣніе адиге. Значительное число ихъ выселилось 15 лѣтъ тому назадъ въ Турцію. Слабые ихъ остатки сохранились въ Кубанской области, сохранился и болѣе значительный адигейскій народъ—кабардинцы, игравшіе въ XVII и XVIII вѣкахъ первенствующую роль на сѣверномъ Кавказѣ и пріобрѣтшіе тогда сильное нравственное и политическое вліяніе на своихъ сосѣдей—осетинъ и плоскостныхъ чеченцевъ. Черкесъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, получившій русское образованіе, составилъ грамматическій очеркъ черкесскаго языка. Трудъ этотъ былъ въ рукахъ г. Берже, который передалъ его Услару; неизвѣстно, что съ нимъ сдѣлалось. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Каменева, отыскались набросанныя на-черно отрывочныя и бѣглыя замѣтки объ языкѣ абадзеховъ, принадлежащихъ къ племени адиге. Остается трудъ Люлье, отпечатанный въ 1846 г. и одобренный С.-Петербургскою Академіею Наукъ. Этотъ трудъ—«Словарь Русско-черкесскій, или адигейскій, съ краткою грамматикою послѣдняго.» Но г. Люлье не былъ подготовленъ не только къ лингвистическимъ, но и къ филологическимъ занятіямъ; словарь его даетъ весьма слабое понятіе о корняхъ языка; грамматика же его, занимающая нѣсколько страничекъ и составленная по шаблону старинныхъ грамматикъ, не даетъ возможности уяснить себѣ сколько нибудь особенности черкесскаго языка. Неизвѣстно даже, для какого нарѣчія она составлена. По показанію Люлье, въ адигейскомъ языкѣ находится всего только три нарѣчія, а именно: кабардинское, бесленеевское и общее черкесское (?!). Онъ составилъ словарь и грамматику этого оригинальнаго нарѣчія, котораго онъ даже не опредѣлилъ территоріи. Предстоитъ, поэтому, надобность изслѣдовать кабардинское нарѣчіе и нарѣчія оставшихся въ Кубанской области черкесскихъ обществъ. По изученіи этихъ нарѣчій и можно будетъ искать сродства ихъ съ абхазскимъ языкомъ. Въ настоящее же время, сличая, на основаніи имѣющихся

данныхъ, абхазскій языкъ съ черкесскимъ, можно, пожалуй, усмотрѣть кое-какіе слѣды агглютинаціи въ черкесскомъ языкѣ; но изъ этого еще нельзя вывести заключенія о сродствѣ означенныхъ языковъ. Лексика ихъ не представляетъ, по видимому, сродства. Впрочемъ, чтобы судить о лексическомъ сродствѣ двухъ языковъ, нужно вникнуть въ фонетическія ихъ условія, а трудъ г-на Люлье не даетъ понятія о фонетикѣ черкесскаго языка. Однимъ словомъ, покамѣстъ не изслѣдованы нарѣчія черкесскаго языка и не имѣется еще данныхъ въ пользу несомнѣннаго сродства послѣдняго съ абхазскимъ, благоразумнѣе не признавать общей западно-горской группы языковъ, которую ввелъ въ своей классификаціи и Фридрихъ Миллеръ (см. его Allgemeine Ethnographie). Основательное изученіе черкесскихъ нарѣчій броситъ свѣтъ и на прошлое адигейскихъ народовъ. Предстоитъ надобность и пополнить словарь абхазскаго языка, составленный покойнымъ Усларомъ: трудъ его объ абхазскомъ языкѣ былъ первымъ его трудомъ; обративъ главное вниманіе на фонетику и грамматическій строй языка, онъ почти упустилъ изъ виду филологическое объясненіе названій мѣстностей какъ въ Абхазіи, такъ и наименованій сосѣднихъ странъ и народовъ. Лишь изрѣдка попадаются у него подобныя объясненія, весьма цѣнныя въ дѣлѣ провѣрки этническихъ названій, встрѣчаемыхъ у классическихъ писателей (какъ, напр., названіе «зуху», означающее по-абхазски черкеса).

Въ заключеніе замѣтимъ, что не отыскано сродства абхазско-черкесскихъ языковъ съ другими языками.

Восточно-горская группа. Эта группа обнимаетъ языки народовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Андійскаго водораздѣла, а именно: чеченскій, съ его нарѣчіями, и языки народовъ Дагестана, извѣстныхъ у насъ подъ общимъ именемъ лезгинъ. Чеченцы и лезгины, родственные между собою по происхожденію и по языку, направили было въ прежнія времена свою дѣятельность въ совершенно разныя стороны: между тѣмъ какъ чеченцы пріобрѣли себѣ извѣстность своими нападеніями на сѣверный Кавказъ, лезгины наводили ужасъ на Закавказье, въ разныхъ мѣстахъ котораго и успѣли они утвердиться.

Главная масса чеченцевъ населяетъ плоскостную мѣстность. Языкъ ихъ, занимающій, сравнительно, значительную территорію, былъ изслѣдованъ покойнымъ Усларомъ. Насколько разнятся отъ него нарѣчія чеченскихъ обществъ, населяющихъ горныя мѣстности, это еще не разъяснено. Только одно нарѣчіе, а именно, нарѣчіе Цовскаго

общества въ Тушетіи, изучено акад. Шифнеромъ и названо имъ неправильно тушскимъ языкомъ. Нарѣчіе это, сродное съ чеченскимъ языкомъ, до того, однако, отдѣлилось отъ послѣдняго, что можетъ быть названо языкомъ. Чеченское племя далеко не представляетъ того разнообразія по языку, какое замѣчается у дагестанскихъ народовъ, превосходящихъ чеченцевъ численностью почти въ три раза.

Дагестанъ еще арабами былъ прозванъ «Горою языковъ»; даже въ новыя времена распространены были и въ публикѣ и въ литературѣ самыя странныя свѣдѣнія о разнообразіи языковъ въ этой странѣ: увѣряли, что тамъ что̀ ни аулъ, то новый языкъ; отыскали въ Дагестанѣ, а именно въ Кубачахъ, и мнимо-франкскій языкъ. Изслѣдованія Услара разсѣяли этотъ туманъ, разстилавшійся надъ «Горою языковъ». Покойный Усларъ изучилъ пять самыхъ распространенныхъ языковъ въ Дагестанѣ, а именно: аварскій и лакскій, т. е. казикумукскій (въ Нагорномъ Дагестанѣ), даргинскій, кюринскій и табасаранскій (въ восточной части Дагестана). Набросалъ онъ коротенькій очеркъ языка аула Арчи и записалъ числительныя имена нарѣчій самой западной части Дагестана. Я собралъ матеріалы для изученія андійскаго и кубачинскаго нарѣчій, а также рутульскаго и цахурскаго языковъ. Въ результатѣ всѣхъ изслѣдованій получилось, что всѣ лезгинскіе языки сродны между собою. Языки распадаются на нарѣчія. Языковъ отдѣльныхъ изрядное количество. Спрашивается: существовало ли такое разнообразіе языковъ еще до занятія Дагестана предками лезгинъ, или же оно образовалось впослѣдствіи, уже въ Дагестанѣ, вслѣдствіе разобщенности народностей, населяющихъ крайне гористыя мѣстности? Основываясь на теоріи, принятой въ лингвистикѣ, мы должны допустить первое; гористая же мѣстность Дагестана способствовала только поддержанію разнообразія языковъ и къ развитію особенностей, лежащихъ въ ихъ основѣ. Можно, кажется, скорѣе сдѣлать совершенно противоположное предположеніе, а именно, что въ отдаленныя времена существовало, быть можетъ, еще большее лингвистическое разнообразіе; и это на томъ основаніи, что въ Дагестанѣ есть нѣсколько языковъ, значительно преобладающихъ численностью говорящихъ на нихъ надъ другими, каковы, напр., языки аварскій и даргинскій,—языки именно тѣхъ націй, которыя съ давнихъ поръ совокупились въ одно политическое общество и, вѣроятно, поглотили въ себѣ мелкія народности. На это предположеніе наводитъ то явленіе, что большее разнообразіе языковъ замѣчается въ мѣстностяхъ, менѣе доступныхъ и болѣе изолированныхъ природою. Но какъ бы то ни было, всѣ обслѣдованные языки Дагестана оказываются сродными между собою; далѣе, всѣ они, хотя и обнаруживаютъ стрем-

леніе къ флексіи, но, вопреки мнѣнію покойнаго Услара, должны быть отнесены скорѣе къ категоріи приставочныхъ языковъ или, вѣрнѣе сказать, къ такимъ языкамъ, въ которыхъ совершается переходъ къ флексіи. Эта степень въ развитіи языковъ представляетъ многоразличныя фазы, весьма поучительныя для лингвиста, который, при изученіи дагестанскихъ языковъ, можетъ найти подтвержденіе тѣхъ теорій, для доказательства которыхъ въ другихъ языкахъ пришлось прибѣгать подчасъ къ натяжкамъ. Лингвисты, напр., утверждаютъ, что падежи образовались посредствомъ присоединенія къ темѣ существеннаго указательнаго мѣстоименія,—парадигмы склоненій въ арчинскомъ языкѣ представляютъ такое наглядное подтвержденіе этого положенія, какого мнѣ не случалось встрѣчать въ другихъ языкахъ. Изученіе каждаго горскаго языка представляетъ новыя явленія, не встрѣченныя въ изслѣдованныхъ языкахъ. Очевидно, что для уразумѣнія всего организма дагестанскихъ языковъ нужно обстоятельное изученіе всѣхъ ихъ. Провидѣніе передало въ руки Россіи совершенно особый, весьма интересный лингвистическій микрокосмъ,—неужто она не ознакомитъ съ нимъ ученый міръ? Прибавимъ къ этому, что безъ подобнаго изученія дагестанскихъ языковъ немыслима и ихъ классификація.

Мы сказали выше, что лезгины успѣли утвердиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья. Такъ, они заняли, между прочимъ, довольно значительную территорію, извѣстную теперь подъ именемъ Закатальскаго округа. Это, однако, произошло не въ слишкомъ отдаленное отъ насъ время. Но есть одинъ народецъ, сродный по языку съ дагестанскими народами, который водворился въ Закавказьи въ незапамятныя времена. Этотъ народъ—удины; языкъ ихъ (объ этомъ языкѣ имѣется трудъ акад. Шифнера), сохранившій основу лезгинскихъ языковъ, подвергся сильному вліянію татарскаго языка; вошло въ него немало и армянскихъ словъ. Повѣствованіе Моисея Хоренскаго о томъ, что Месропъ отправился въ Агованію, съ цѣлію составленія азбуки для народа, языкъ котораго изобиловалъ горловыми звуками, надо, кажется, отнести къ удинамъ. Судя по указаніямъ армянскихъ лѣтописцевъ, армяне успѣли окрестить этотъ народъ; но надо полагать, что армянскіе миссіонеры въ дѣлѣ христіанской пропаганды ушли не дальше греческихъ миссіонеровъ, водворявшихъ христіанство въ Абхазіи и Черкесіи: они, по всей вѣроятности, ограничились также сооруженіемъ церквей и введеніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ; богослуженіе, надо полагать, совершалось на непонятномъ для обращенныхъ языкѣ. Какъ бы то ни было, но христіанство не пустило глубокихъ корней у удинъ, и они, послѣ наплыва татаръ, омусульманились и отатарились. Нынѣ

удинскій языкъ сохранился въ двухъ деревняхъ Нухинскаго уѣзда: Варташенѣ и Нижѣ. Поименовываютъ еще нѣсколько мусульманскихъ деревень, въ которыхъ будто бы сохранились остатки удинскаго языка. У удинъ существуетъ, какъ они увѣряютъ, преданіе о томъ, что предки ихъ населяли Агванію (Албанію), что у нихъ было царство, со столицею Бердою. Мы не придаемъ значенія этому сказанію, видимо, распространенному книжными людьми; но тѣмъ не менѣе, остается загадочнымъ фактъ исчезновенія албанцевъ. Не окажетъ ли тутъ пособія лингвистика? Армянскія лѣтописи передали названія древнихъ агванскихъ мѣсяцевъ. Нѣсколько изъ нихъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть объяснены, безъ всякой натяжки, посредствомъ удинскаго языка (мы объ этомъ писали проф. К. П. Патканову). Быть можетъ, отыщутся въ армянскихъ лѣтописяхъ и другія агванскія слова. Если сближеніе ихъ съ удинскимъ языкомъ дастъ положительные результаты, то тогда вопросъ о происхожденіи агванцевъ (албанцевъ) будетъ поставленъ на прочную почву.

Родичей для группы чеченско-дагестанскихъ языковъ не оказалось внѣ Кавказа. Правда, что Клапротъ старался отыскать слова, подходящія къ горскимъ словамъ, въ такъ называемыхъ туранскихъ языкахъ; но Клапротъ жилъ въ то время, когда лингвистика была еще въ пеленкахъ, и когда сравнивали слова, но не корни и грамматическія формы, и когда еще не убѣдились въ томъ, что сходство данныхъ словъ въ разныхъ языкахъ можетъ быть совершенно случайнымъ. Кромѣ того, слова кавказскихъ языковъ записаны у Клапрота совершенно въ извращенномъ видѣ. Покойный Усларъ высказалъ то предположеніе (см. VII книжку «Записокъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества»), что «кавказскіе горцы представляютъ собою ничтожные остатки множества народовъ, населявшихъ въ доисторическія времена огромныя полосы земли въ Азіи и въ Европѣ и принадлежавшихъ къ одной расѣ, которая вездѣ исчезла, за исключеніемъ Кавказа». «Мы говоримъ», продолжаетъ Усларъ, «вездѣ, потому что новѣйшія попытки пріискать для кавказскихъ горцевъ сродниковъ въ Тибетѣ и у Гималая представляютъ еще мало убѣдительнаго. Кавказъ былъ не путемъ переселенія народовъ, а у б ѣ ж и щ е м ъ народовъ, гонимыхъ и истребляемыхъ на равнинѣ». Какъ бы то ни было, но, для окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи кавказскихъ горцевъ, необходимо предварительно изслѣдовать обстоятельно ихъ языки, а потомъ уже приступить къ сравненію ихъ съ языками внѣ-кавказскихъ народовъ.

Разсмотрѣнныя группы языковъ, называемыя обыкновенно кавказскими на томъ основаніи, что онѣ встрѣчаются только на Кавказѣ,

не представляютъ сродства между собою, а потому соединять ихъ въ одну группу болѣе, чѣмъ странно. Такъ на это смотрѣлъ и покойный Усларъ. Между тѣмъ онъ употребилъ въ одной газетной статьѣ (№ 113 «Кавказа» за 1868 г.) неловкое выраженіе, введшее въ обманъ классификаторовъ кавказскихъ языковъ. Вотъ слова Услара: «для меня явственно очертились три группы кавказскихъ языковъ: западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская. Послѣдняя мнѣ наименѣе извѣстна, или, откровенно сказать, вовсе не извѣстна. Составляетъ ли она звено между кавказскими группами: западною и восточною? Составляетъ ли она совершенно чуждое имъ семейство? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ еще въ будущемъ и..... вѣроятно, выпадетъ не на мою долю. Ars longa et vita brevis». Какъ видно изъ этой выдержки, нашъ незабвенный изслѣдователь высказался рѣшительно, что онъ не можетъ рѣшить вопроса о томъ, существуетъ ли какое нибудь соотношеніе между картвельскою (грузинскою) группою и горскими группами языковъ; но, съ другой стороны, онъ допускаетъ возможность того, что картвельская группа составляетъ звено между восточною и западною горскими группами языковъ. Если картвельская группа можетъ составлять звено между послѣдними, то надо предположить, что между ними есть много общаго; но этого-то именно не замѣчается, а поэтому не можетъ быть рѣчи о звенѣ, ихъ соединяющемъ.

Переходимъ къ языкамъ, сродство которыхъ съ другими внѣ-кавказскими языками очевидно. Эти языки, за исключеніемъ русскаго и калмыцкаго, подводятся главнымъ образомъ къ двумъ семействамъ: иранскому и тюркскому. Народы, говорящіе этими языками, позже пришедшіе на Кавказъ, опоясали собою съ трехъ сторонъ (съ С.-В., В. и Ю.-В.) группы собственно кавказскихъ народовъ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ языковъ, мы должны выдѣлить изъ нихъ языкъ, считавшійся прежде иранскимъ, но который, какъ кажется, не долженъ быть отнесенъ къ иранской группѣ. Этотъ языкъ—древняго культурнаго народа—хотя и не занимаетъ на Кавказѣ сплошной большой территоріи, но по числу населенія, говорящаго на немъ, долженъ быть отнесенъ къ категоріи болѣе распространенныхъ языковъ. Рѣчь идетъ объ армянскомъ языкѣ.

Грамматически армянскій языкъ сталъ изучаться съ весьма отдаленнаго времени; но лингвистическое его изслѣдованіе началось лишь съ 1837 года, т. е. со времени появленія объ этомъ языкѣ труда профессора Берлинскаго университета Петермана. Мало по малу

выработалось то мнѣніе, что армянскій языкъ слѣдуетъ причислить къ иранской семьѣ языковъ. Для устраненія недоразумѣній, возникшихъ вслѣдствіе того, что армянскій языкъ значительно разнится отъ новыхъ иранскихъ языковъ, проф. Вѣнскаго университета, извѣстный лингвистъ, Фридрихъ Миллеръ придумалъ слѣдующую остроумную формулу: «На армянскій языкъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на дочь древне-персидскаго или древне-бактрійскаго, а какъ на потомка другаго, неизвѣстнаго намъ, основнаго языка, отдѣлившагося одновременно съ древне-персидскимъ и съ древне-бактрійскимъ отъ первоначальнаго основнаго языка (Sprachstamme)». Въ послѣднее время теорія объ иранскомъ происхожденіи армянскаго языка подверглась сильнымъ нападеніямъ. Кто желаетъ обстоятельно познакомиться съ преніями, возникшими по этому поводу, тому совѣтуемъ прочесть капитальную статью профессора К. П. Патканова, помѣщенную въ 1 вып. VI тома «Извѣстій Кавказскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества». «Въ концѣ концовъ»,—такъ заключаетъ свой разборъ мнѣній о генетическомъ происхожденіи армянскаго языка многоуважаемый профессоръ,—«результаты всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ изысканій сводятся къ слѣдующей формулѣ: армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славо-литовской, есть представитель самостоятельной, исчезнувшей (можетъ быть, Мало-Азійской) группы индо-европейскихъ языковъ.» Смѣемъ надѣяться, что Керопэ Петровичъ въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ укажетъ на тѣ особенности, на основаніи которыхъ армянскій языкъ слѣдуетъ считать представителемъ самостоятельной, исчезнувшей группы языковъ. Нечего распространяться о важномъ значеніи разработки этого предмета, какъ для сравнительнаго языкознанія, такъ и для этнологіи. Съ разработкою этого предмета и указаніемъ тѣхъ сторонъ въ армянскомъ языкѣ, въ которыхъ онъ соприкасается съ иранскими языками и славолитовскою группою, уяснится въ значительной степени и отдаленное прошлое армянской націи. К. П. Паткановъ обратилъ свое вниманіе и на діалекты, которыхъ въ армянскомъ языкѣ немало (г. Паткановъ, въ своемъ трудѣ «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка», насчитываетъ ихъ 12). Одинъ изъ нихъ, а именно діалектъ Араратской области, сдѣлался съ IV вѣка литературнымъ языкомъ. Это—такъ называемый «грабаръ». К. П. Паткановъ высказывается въ пользу древности армянскихъ діалектовъ и указываетъ на важное значеніе ихъ для обстоятельнаго изученія армянскаго языка. Онъ уже собралъ много матеріаловъ для изслѣдованія нарѣчій. Нѣкоторые изъ діалектовъ, какъ видно изъ поясненій, сдѣланныхъ К. П. Паткановымъ, очень близки другъ къ другу; другіе же значительно расходятся между собою. Не сохранили ли нѣкоторые изъ послѣднихъ элементъ, чуж-

дый прочимъ армянскимъ нарѣчіямъ и который, быть можетъ, представляетъ собою остатки исчезнувшихъ сродственныхъ языковъ? Вотъ вопросъ, который невольно является въ умѣ, и разрѣшеніе котораго нужно предоставить К. П. Патканову. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что на нѣкоторые изъ діалектовъ имѣли вліяніе языки смежныхъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ иранскимъ языкамъ. Съ отдаленныхъ уже временъ персіяне проникли въ Закавказье, заняли юго-восточное прибрежье Каспійскаго моря и основали Дербентское укрѣпленіе, для защиты своихъ владѣній отъ вторженія съ сѣвера тюркскихъ народовъ. Въ настоящее время такъ называемые таты составляютъ почти сплошное населеніе Бакинскаго уѣзда; живутъ они и вблизи Дербенда. Таты, по показанію г. Петрусевича, живутъ въ сѣверномъ Хорасанѣ; живутъ они вообще въ сѣверной Персіи, гдѣ ихъ называютъ также таджиками. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ объясненіе названій: «татъ» и «таджикъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что таты говорятъ нарѣчіемъ ново-персидскаго языка. О татскомъ нарѣчіи имѣется въ трудѣ Березина «Recherches sur les dialectes persans» (1853 г.) замѣтка, занимающая около 20-ти страницъ. Конечно, нельзя на основаніи бѣглой филологической замѣтки составить цѣльнаго понятія объ организмѣ языка. Березинъ высказываетъ мнѣніе, что татское нарѣчіе, представляя фонетическое и лексическое искаженіе ново-персидскаго языка, сохранило почти цѣликомъ большинство формъ послѣдняго, въ подтвержденіе чего и приводитъ примѣры.

Больше свѣдѣній у Березина находится о нарѣчіяхъ: талышинскомъ, гилянскомъ и мазендеранскомъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимались и до него. Въ числѣ изслѣдователей этихъ нарѣчій нужно поставить на первомъ планѣ Александра Ходзько, автора «Specimens of the popular poetry of Persia». Талышинцы, гилянцы и мазендеранцы, говоритъ знаменитый оріенталистъ (см. 457—458 стр.), занимая малодоступныя мѣстности между Каспійскимъ моремъ и Эльбурсскимъ хребтомъ, могли лучше устоять противъ посторонняго вліянія,—у нихъ даже исламъ былъ введенъ позже, нежели въ остальныхъ провинціяхъ Персіи. И языкъ ихъ, сравнительно съ другими персидскими нарѣчіями, подвергся меньшимъ видоизмѣненіямъ. Изъ означенныхъ діалектовъ насъ болѣе должно интересовать нарѣчіе талышинцевъ, живущихъ въ Закавказьѣ, а именно въ Ленкоранскомъ уѣздѣ. Г. Ходзько утверждаетъ, что въ ихъ языкѣ сохранилось болѣе остатковъ зендскаго языка, нежели въ другихъ нарѣчіяхъ прикаспійскихъ иранскихъ племенъ, въ подтвержденіе чего указываетъ на обиліе въ талышин-

скомъ нарѣчіи двугласныхъ, на слова и грамматическія формы, близко подходящія къ зендскому языку. Замѣтимъ здѣсь, что краткій грамматическій очеркъ талышинскаго нарѣчія былъ составленъ покойнымъ Риссомъ. Очеркъ этотъ напечатанъ въ III книжкѣ «Записокъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Просматривая имѣющіеся матеріалы объ означенномъ нарѣчіи, нужно придти къ тому заключенію, что оно все-таки весьма близко къ ново-персидскому языку и наврядъ-ли можетъ считаться особымъ, самостоятельнымъ языкомъ.

Въ Закавказьи есть еще одинъ языкъ, близкій къ ново-персидскому; но онъ уже имѣетъ полное право на названіе самостоятельнаго языка. Это курманджи—языкъ курдовъ.

Первоначальная родина курдовъ—это древняя Мидія; теперь еще курды составляютъ почти сплошное населеніе сѣверо-западныхъ окраинныхъ частей Персіи. Уже въ довольно отдаленной древности они потеряли свое политическое значеніе, обратились по преимуществу въ кочевой горный народъ и разсѣялись, съ одной стороны, къ С.-В., до сѣверо-восточныхъ оконечностей Хорасана, а съ другой стороны—заняли удлиненную полосу, простирающуюся въ Азіятской Турціи до Сулейманіэ. Они распространились такимъ образомъ и по древней Великой Арменіи, гдѣ и заняли гористыя мѣстности. Въ нѣкоторыхъ же ея частяхъ, вслѣдствіе выселенія оттуда въ значительномъ количествѣ армянъ, они составили численно преобладающее населеніе. По этому европейскимъ географамъ предстоитъ немалое затрудненіе въ точномъ опредѣленіи границъ такъ называемаго Курдистана и Арменіи; недавно константинопольскіе армянскіе патріоты заявили сильный протестъ противъ включенія на картѣ въ Курдистанѣ значительной части древней Арменіи.

Курды живутъ уже съ отдаленныхъ временъ разрозненными обществами. Это обстоятельство содѣйствовало въ сильной степени развитію разныхъ нарѣчій и говоровъ. Но всѣ эти нарѣчія близки другъ къ другу, всѣ они называются «курманджи» и носятъ вполнѣ характеръ этого языка, представляющаго крайне сжатый видъ словъ и въ высшей степени упрощеніе грамматическихъ формъ; курды съ противуположныхъ мѣстностей безъ труда понимаютъ другъ друга. Одно только нарѣчіе, называемое зазà и употребляемое въ бассейнѣ восточнаго Евфрата (Мурадъ-чая), въ окрестностяхъ Муша и Палу, значительно разнится отъ другихъ. Оно хотя и представляетъ, безпорно, лингвистическое сродство съ курманджи, но для курда, говорящаго послѣд-

нимъ нарѣчіемъ, почти непонятно. Г. Лерхъ, записавшій кое-какіе тексты на означенномъ нарѣчіи, говоритъ, что «оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближается болѣе другихъ языковъ своей группы къ осетинскому». Желательно было бы, не только въ интересѣ лингвистики, но и этнологіи, подтвержденіе этого мнѣнія вѣскими доводами; къ сожалѣнію, для этого имѣется мало данныхъ.

Возвратимся къ курманджи. Его сталъ изучать, почти сто лѣтъ тому назадъ, католическій миссіонеръ Гарцони. Съ этихъ поръ появилось немало трудовъ и замѣтокъ, касающихся этого языка. Изъ изслѣдователей упомянемъ: Лерха, Ал. Ходзько, Жабу, Рича, Березина, Реа. Въ текущемъ году Императорская Академія Наукъ издала, подъ редакціею профессора Юсти, довольно объемистый словарь этого языка. Во всѣхъ трудахъ означенныхъ ученыхъ поражаетъ, во первыхъ, крайняя сбивчивость и противорѣчіе въ транскрипціи однихъ и тѣхъ же словъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что лица, изучавшія курдскій языкъ, слишкомъ много довѣряли своему слуху, а если и обращались, при транскрипціи словъ, къ помощи курдовъ, то прибѣгали къ арабскому алфавиту, весьма бѣдному начертаніями, въ особенности для гласныхъ, которыхъ въ курдскомъ языкѣ имѣется изрядное количество. Во вторыхъ, въ курдскомъ языкѣ, представляющемъ, какъ мы сказали, въ высшей степени упрощеніе грамматическихъ формъ, весьма важную роль играютъ приставки, прилологи, послѣлоги; уразумѣніе ихъ и составляетъ ключъ къ пониманію означеннаго языка. Между тѣмъ изслѣдователи не обратили на нихъ должнаго вниманія. Вотъ, между прочимъ, источникъ и сбивчивости въ показаніяхъ относительно глагольныхъ формъ. При изученіи курдскаго языка мы поставлены были въ лучшія обстоятельства: С. А. Егіазаровъ, уроженецъ курдской деревни и знакомый съ дѣтства съ курдскимъ языкомъ, доставилъ тексты, для транскрипціи которыхъ былъ употребленъ заранѣе строго-обдуманный алфавитъ, подходящій близко къ кастреновскому (которымъ столь удачно воспользовался и покойный Шифнеръ). Мы разсмотрѣли съ г. Егіазаровымъ внимательно тексты и въ грамматическомъ отношеніи; мы не пропустили мимо ни одной приставки; осталось весьма мало мѣстъ, требующихъ, по моему мнѣнію, разъясненій. Набросанный нами, при помощи С. А. Егіазарова, краткій грамматическій очеркъ уясняетъ немало явленій въ разсматриваемомъ языкѣ, оставшихся до сихъ-поръ неразгаданными. Очеркъ составленъ для одного только нарѣчія. Этимъ, конечно, ограничиться нельзя: для уразумѣнія вполнѣ организма курдскаго языка, нужно изучить всѣ его нарѣчія, а также едва затронутое наукою нарѣчіе зазà. Надежду въ этомъ отношеніи нужно возложить на С. А. Егіазарова.

Закавказья, покоривъ и омусульманивъ агванцевъ (албанцевъ), они успѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ въ означенной части края. Татскій языкъ былъ оттѣсненъ къ самому прибрежью и получилъ въ Дагестанѣ бранное прозвище еврейскаго языка, на томъ основаніи, что на немъ говорятъ и тамошніе евреи, пришедшіе въ эту страну, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ татами. Въ восточной части Закавказья находятся и другіе пришельцы тюркскаго происхожденія, какъ, напр., муганлы, рѣзко отличающіеся своимъ типомъ отъ адербейджанскихъ татаръ, напоминающихъ собою народовъ бѣлой расы, но и они говорятъ адербейджанскимъ нарѣчіемъ. Въ Закавказьи есть переселенцы изъ Дагестана; между ними немало аварцевъ (въ Закатальскомъ округѣ),—и этотъ гордый народъ, игравшій когда-то первенствующую роль въ нагорномъ Дагестанѣ, идетъ за общимъ движеніемъ и говоритъ въ Закавказьи по-татарски, нерѣдко забывая даже свой родной языкъ. Адербейджанское нарѣчіе пустило глубокіе корни въ юго-восточномъ Дагестанѣ: въ Дербентъ приходятъ горцы изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей, несутъ даже часто даровой трудъ, лишь бы только выучиться по-татарски. Будемъ ли послѣ этого удивляться, что адербейджанское нарѣчіе сдѣлалось международнымъ языкомъ и для юго-восточнаго Дагестана, что горскіе языки этой страны подверглись сильному вліянію означеннаго нарѣчія, и что, напр., языкъ табасаранцевъ, живущихъ вблизи Дербента, начинаетъ вымирать. А вѣдь табасаранцы составляютъ осѣдлое, сплошное, почти 20-ти тысячное населеніе! Мало того, мы лично убѣдились въ томъ, что адербейджанское нарѣчіе начинаетъ проникать въ трудно-доступныя мѣстности нагорнаго Дагестана: андійцы, напр., или другіе горцы этой части Дагестана, побывавшіе, по торговымъ дѣламъ, въ такъ называемыхъ закавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ, объясняются довольно свободно по-татарски.

Не смотря на такое распространеніе адербейджанскаго нарѣчія, оно не изслѣдовано надлежащимъ образомъ: попадаются въ разныхъ статьяхъ, сочиненіяхъ бѣглыя замѣтки объ этомъ нарѣчіи; но подобныя замѣтки, конечно, не могутъ дать цѣльнаго представленія объ языкѣ. А. П. Берже составилъ сборникъ адербейджанско-татарскихъ пѣсенъ; ему и сподручно было бы, какъ знатоку адербейджанскаго нарѣчія и персидскаго языка, познакомить ученый міръ съ организмомъ нарѣчія, столь сильно распространеннаго въ Закавказьи.

Въ юго-западной части Закавказья, а именно въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Турціи (въ Батумской и Карсской областяхъ, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ) распространенъ турецкій языкъ: на немъ говоритъ

значительная масса омусульманеннаго грузинскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попадаются, въ видѣ островковъ, таракаманцы. Въ 1872 г., во время поѣздки моей въ Ахалцихскій уѣздъ, я записалъ небольшое количество словъ и нѣкоторыя грамматическія формы. Это, конечно, слишкомъ мало для того, чтобъ судить объ языкѣ; но мнѣ кажется, что таракаманское нарѣчіе представляетъ интересныя особенности, на которыя не мѣшало бы обратить вниманіе.

Переходимъ къ татарскимъ народамъ, обитающимъ на сѣверномъ Кавказѣ. Къ С. отъ Дербента, вдоль прибрежья Каспійскаго моря и затѣмъ на С.—З. до Качкалыковскаго хребта, живетъ культурный татарскій народъ—кумыки. Они имѣли вліяніе на своихъ сосѣдей, но не столь значительное, какъ адербейджанскіе татары въ юго-восточной части Закавказья. Кумыки, какъ извѣстно, принадлежатъ, по языку, къ вѣтви ногайской. Къ С. отъ кумыковъ и живетъ степной народъ ногайцы. Кочевья ногайцевъ попадаются дальше къ З., переходятъ даже за Кубань. У истоковъ Кубани живетъ карачаевское общество, а по близости его, у предгорій Кавказскаго хребта, въ верховьяхъ рѣкъ, орошающихъ Большую Кабарду, живутъ въ небольшомъ числѣ мелкія горскія тюркскія общества (Урусбій, Чегемъ, Балкаръ), находившіяся прежде въ зависимости отъ кабардинцевъ. Мы не можемъ ничего сказать объ ихъ языкѣ. У нижняго теченія Калауса и Кумы кочуютъ такъ называемые трухмены, сродные, вѣроятно, по языку съ закаспійскими туркменами, принадлежащими къ уйгурской вѣтви тюркской группы. На С.—В. Ставропольской губерніи, къ Ю. отъ озера Маныча, находится Больше—Дербетовскій калмыцкій улусъ. Калмыцкій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ монгольской группѣ урало-алтайскихъ языковъ. Калмыки оттѣснены были на правый берегъ нижняго теченія Волги своими сосѣдями-киргизами. Впослѣдствіи часть этого народа перекочевала въ степи Ставропольской губерніи.

На Кавказѣ находятся другія пришлыя, незначительныя по числу, народности. Изъ нихъ, въ этнологическо-историческомъ отношеніи, особенное вниманіе обращаютъ на себя Кавказскіе евреи. Вопросъ о времени пришествія евреевъ на Кавказъ давно уже занималъ ученыхъ. Теперь проф. Гаркави предложилъ для рѣшенія на будущемъ Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ вопросъ: возможно ли доказать пребываніе евреевъ на Кавказѣ за нѣсколько столѣтій до Р. Х.? Еще въ 1869 году покойный Усларъ помѣстилъ во II-мъ вып. «Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ» прекрасную статью: «Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ», въ которой сдѣланы весьма вѣскія указанія на то, что евреи были на Кавказѣ за нѣсколько столѣтій

до Р. Х. Но на основаніи этихъ же указаній нужно предположить, что древніе кавказскіе евреи слились уже съ туземнымъ населеніемъ.

Въ настоящее время болѣе значительное число евреевъ находится, съ одной стороны, въ восточной части Дагестана и Кубинскомъ уѣздѣ, входящемъ теперь въ составъ Бакинской губерніи, но составляющемъ, въ географическомъ отношеніи, часть Дагестана, а съ другой стороны—въ западной части страны, населенной грузинскимъ племенемъ, а именно: въ Имеретіи и Ахалцихскомъ уѣздѣ. Что касается дагестанскихъ евреевъ, то они говорятъ татскимъ нарѣчіемъ. На этомъ основаніи нужно предположить, что дагестанскіе евреи вышли изъ Персіи, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ татами. Іуда Черный, путешествовавшій по Кавказу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью изслѣдованія быта евреевъ этого края, въ своей статьѣ «Горскіе евреи», помѣщенной въ III вып. «Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ», сообщилъ небольшой образчикъ жаргона еврейско-татскаго. При этомъ онъ замѣчаетъ, что предки означенныхъ евреевъ «цѣлый мѣсяцъ бесѣдовали во Мцхетѣ съ просвѣтительницею Грузіи св. Ниною, которая весьма обрадовалась тому, что встрѣтила своихъ соотечественниковъ; но потомъ»,—заключаетъ Іуда Черный,—«во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи усвоили себѣ татскій языкъ». Странное дѣло, что этотъ языкъ усвоили себѣ только дагестанскіе евреи. Почему же другіе кавказскіе евреи не усвоили себѣ татскаго языка? И въ Дагестанѣ татскій элементъ никогда не былъ сильнымъ; говоритъ тамъ по-татски незначительное по числу населеніе, и мудрено предположить, чтобы дагестанскіе евреи, съ пришествіемъ туда татовъ, такъ легко оставили свой прежній языкъ и приняли татское нарѣчіе. Заслуживаетъ вниманія то только показаніе Іуды Чернаго,—если только оно вѣрно,—что въ разговорномъ языкѣ дагестанскихъ евреевъ попадается, кромѣ древне-еврейскихъ словъ, много халдейскихъ. Какъ бы то ни было, но надо предположить, что евреи изъ Южнаго Дагестана проникли, вдоль прибрежья Каспійскаго моря, въ Сѣверный Дагестанъ и оттуда въ Терскую область, къ кумыкамъ и кабардинцамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ образованный еврей доставилъ мнѣ списокъ общеупотребительныхъ словъ, числительныхъ именъ и личныхъ мѣстоименій, составленный имъ во Владикавказѣ со словъ еврея изъ Нальчика. Записанныя слова обнаруживаютъ татское происхожденіе. Замѣтимъ также, что евреевъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и въ Терской области немного.

Что же касается имеретинскихъ и вообще грузинскихъ евреевъ, то они употребляютъ въ разговорѣ грузинскій языкъ. Они упорно со-

храняютъ въ домашнемъ употребленіи этотъ языкъ. Мало того, ахалцихскіе сторожилы-евреи въ этомъ отношеніи обнаружили болѣе стойкости, нежели коренное омусульманенное грузинское населеніе Ахалцихскаго уѣзда, которое все болѣе и болѣе забываетъ свой родной языкъ, замѣняя его турецкимъ. Время водворенія евреевъ среди грузинскаго населенія неизвѣстно. Весьма желательно было бы, чтобы кто нибудь изслѣдовалъ грузино-еврейскій жаргонъ: быть можетъ, въ немъ окажутся остатки другихъ языковъ, что послужило бы указаніемъ на то, среди какихъ народовъ жили предки теперешнихъ грузинскихъ евреевъ.

Изъ этого краткаго обзора изслѣдованій кавказскихъ языковъ видно, что, не смотря на имѣющіеся уже серьозные труды, остается еще много сдѣлать для того, чтобы вполнѣ уяснить тотъ дивный лингвистическій микрокосмъ, какой представляетъ собою Кавказъ. Обстоятельное изслѣдованіе кавказскихъ языковъ поведетъ не только къ цѣннымъ для лингвистики выводамъ, но броситъ яркій свѣтъ какъ на этнологическое происхожденіе кавказскихъ народовъ, такъ и на ихъ отдаленное прошлое. Теперь-то, съ умиротвореніемъ Кавказа, и настало время для подобнаго изслѣдованія.